

Лили крепко обхватила себя руками, стиснув зубы до скрипа и дрожа всем телом.

- Никто... тебе не помог?

- "Будь покорнее, улыбайся ему, угождай ему, так будет легче". Те, кто говорил мне это, - можно ли считать их помощь помощью? Живя в том доме, я чувствовала себя последней шлюхой. Поэтому, будь у меня возможность прикончить кого-нибудь из обитателей того дома, я бы не раздумывая это сделала. Лоурен Банис для меня не был кем-то особенным. О, нет, всё же немного особенным он был, потому что оказался самым жалким и лицемерным из всех. Знаете ли вы? Когда я сидела в своей комнате в свадебном платье, в моей душе тоже теплилась искра надежды. Но вошёл старый Банис. На следующее утро он заявил мне: "Так будет лучше, госпожа. Так вы сможете обрести то счастье, которое положено женщине. А я... я люблю только мужчин, вы не дождётесь от меня ни капли жалости или ласки". Конечно, бывали у него и моменты показной нежности и доброты. Он однажды даже извинился передо мной, сказав, что я ему как сестра, и он будет обо мне заботиться. Но стоило отцу пройти мимо, как он тут же замолкал, послушно прижимаясь спиной к стене.

Лили нежно коснулась своего живота. Взгляд, которым она смотрела туда, был на удивление тёплым.

- На самом деле, не столько я его ненавидела, сколько Лоурен Банис ненавидел меня. Он часто хватал меня за плечи и с яростью вопрошал, почему в этом доме только женщинам позволено быть с мужчинами? Почему только женщина может выносить и родить ребёнка? Допытывался, почему его отец заставил его жениться именно на мне? Откуда мне было знать? Я всего лишь женщина... Я ненавижу всю семью Банис, я ненавижу... Если бы у меня появилась возможность, я бы перебила их всех до единого... Я ненавижу и тебя, потому что он постоянно хныкал при мне, одновременно восхваляя тебя и проклиная меня.

Бауэр, бывший при встрече в довольно приподнятом настроении, после этого рассказа совершенно пал духом:

- Я не могу её ненавидеть, не могу отправить её на виселицу. Мне очень жаль.

Орвицка почувствовал, что извинения Бауэра адресованы не им, а Лоурену. Он так страстно желал отомстить за Лоурена, но теперь образ его бывшего возлюбленного был безвозвратно разрушен и осквернён.

- Итак, вы решили сотрудничать с семьёй Банис, - Орвицка больше не стал развивать эту болезненную тему.

- Значит, то, что рассказала госпожа Банис-старшая, правда?

Бауэр всё ещё был слишком взволнован, чтобы говорить.

- Это случилось не с Лоуреном, а с дочерью Баниса, - ответил Розенберг.

- Вот уж действительно... - Орвицка открыл рот. Он хотел изрыгнуть поток ругательств, но понял, что любые известные ему бранные слова по отношению к старому Банису были бы для него незаслуженной похвалой, оскорблением самих этих слов. Поэтому Орвицка просто промолчал.

- Это и стало главной причиной, по которой старая госпожа согласилась дать показания, - пояснил Розенберг. - К тому же этот старый мерзавец согласился на развод с дочерью. Как раз перед вашим приходом её забрали. Это была измождённая, но всё ещё красивая женщина. Дай Бог, чтобы в её дальнейшей жизни наступил покой. - Розенберг осенил себя крестным знаменем.

В этот момент Бауэр достал из недр кареты маленькую коробочку и передал её Далиану:

- Это ваша доля. Не вознаграждение за расследование, а "та самая" доля, которая полагается всем причастным.

Это была часть активов старого Баниса, конфискованных после его падения.

Далиан кивнул и принял коробочку. Выслушав все эти грязные тайны, они просто обязаны были принять свою долю. Только так можно было успокоить всех остальных участников этой драмы.

Затем все отправились обедать в ресторан "Старый Джордж". Он не считался самым первоклассным, но уверенно входил в число лучших ресторанов второго эшелона. Однако после обсуждения мерзостей семьи Банис аппетита ни у кого не было. Все поспешно сделали заказ и ели безвкусную пищу, словно жевали картон.

Еда, должно быть, была превосходной. Расплатившись и уходя, Орвицка всё ещё ощущал во рту нежный, тающий вкус сливочного пудинга, но настроения это не прибавляло.

Ни у кого не было желания продолжать встречу, и они распрощались прямо у входа. Орвицка и Далиан ждали наёмную карету. Розенберг, проводив Бауэра, неожиданно снова подошёл к ним. Сначала он поблагодарил Далиана:

- Огромное вам спасибо. Если бы не ваш совет, Бауэр бы просто спился, это бы его окончательно погубило. Вы снова его спасли. Орвицка, на этот раз... спасибо тебе!

Он крепко пожал Орвицке руку, порывисто обнял его и только потом развернулся и ушёл.

- Добрые люди терзаются бессонницей из-за чужих грехов, а злодеи безмятежно спят, прикрываясь именем Бога, - тихо проговорил Орвицка.

- Похоже, ты не слишком доволен исходом этого дела, - заметил Далиан. - Потому что Лили не получила заслуженного возмездия?

- Потому что справедливость! В этом деле с самого начала и до конца я не увидел ни капли справедливости! - Орвицка посмотрел на Далиана с горечью. - Этот мир ужасен.

Старый Банис был отвратительным, гниющим изнутри подонком, но Орвицка с прискорбием понимал, что он не единственный такой монстр. Прямо там, в зале суда, среди тех, кто свистел и изрыгал проклятия, наверняка были ему подобные.

"Если бы сейчас существовал способ вернуться на Голубую планету, я бы не раздумывая вернулся, я не хочу здесь оставаться", - если говорить цинично, пронеслась у него мысль.

Ему стало по-настоящему страшно. Страшно от мысли, что однажды он тоже привыкнет к этим омерзительным правилам, ассимилируется, станет неотличимой частью этого мира, утратит способность различать добро и красоту и вместе с остальными будет осквернять мир грязью.

Даже если уход станет предательством по отношению к Далиану, к множеству людей, зависящих от него... ему было бесконечно жаль, но боль была слишком сильной.

Конечно, вернуться он не мог...

Плечи Орвицки, всегда расправленные и прямые, поникли. Его окутало беспросветное отчаяние.

- Нет, в этом деле всё же есть справедливость. И эта справедливость - ты, - Далиан остановился. В его левой руке покоилась та самая коробочка с "вознаграждением". Правой рукой он нежно коснулся плеча Орвицки. - Ты спас жизнь Бауэра Колина, не позволил невинному понести незаслуженное наказание, уберёг состоятельную семью от поглощения ядовитой змеей. Ты принёс им справедливость. Ты раскрыл истинную причину смерти Лоурена Баниса. Независимо от того, что этот человек совершил в прошлом, был ли он благородным или низким, ты восстановил справедливость и для него, не позволив злодеям использовать его смерть в своих грязных целях. Ты также принёс справедливость Бети Банис. Хотя мы не знаем, что ждёт её в будущем, ты вырвал её из ада прямо сейчас. Мой дорогой, ты сделал всё, что было в твоих силах, и даже больше. В этом деле ты был воплощением справедливости. Нет, вернее сказать, с того самого дня, как я тебя встретил, ты и есть ходячая справедливость.

"Ходячая справедливость..."

Остаток того дня Орвицка провёл словно в тумане. Раньше он думал, что память отшибает только от алкоголя, кто бы мог подумать, что и от похвалы можно впасть в прострацию.

Но случилось это не потому, что он обезумел от счастья, а из-за невыносимого давления.

Орвицка в униформе чувствовал себя раздражённым и смятенным. А что ему оставалось? Завести гарем, использовать своё положение для обогащения, карабкаться вверх по карьерной лестнице ради ещё большей власти?

"Гаремный герой-завоеватель из новелл с известного сайта новелл - это, конечно, заманчиво, но нет, увольте". Орвицка на такое был не способен.

- Что случилось? - Далиан постучал и вошёл. Сегодня Орвицка возился с одеждой как минимум на полчаса дольше обычного.

Орвицка быстро застегнул неподатливые пуговицы, с которыми мучился полдня, и вышел решительным шагом:

- Я просто обычный человек, обычный представитель Рода Крови, который изо всех сил пытается устроить себе жизнь получше. Репутация "ходячей справедливости" - это слишком тяжкое бремя.

- ... - "Так вот о чём Орвицка размышлял всё это время?" Далиан не считал себя неправым. Неужели Орвицка не осознавал, какие перемены он принёс в жизнь окружающих? Но раз он не хотел этого признавать, так тому и быть. - Это моя вина. Орвицка - это Орвицка, и никто другой.

Слова прозвучали так, словно он утешал ребёнка, но Орвицка действительно вздохнул с облегчением.

- Я сегодня не хочу работать, пойду посмотрю на фургончики с едой, - он не хотел находиться

рядом с человеком, который невольно давил на него, ему нужно было развеяться.

- Хорошо.

Далиан в одиночестве прибыл в участок, как обычно прошёл в свой кабинет и сел за стол, но сегодня он не мог, как всегда, сосредоточиться на работе. Он раздражённо потёр переносицу, устало откинулся на спинку стула и уставился в окно (на унылую тёмную заднюю стену универсама "Жемчужина"), погрузившись в свои мысли.

Орвицка стоял у главного входа в универмаг "Жемчужина". Эта улица и прежде была оживлённой, а с появлением фургончиков с фаст-фудом стала вдвое шумнее. Большинство проходивших мимо людей улыбались. Заметив Орвицку, они тоже с улыбкой кивали ему в знак приветствия.

Отголоски репортажей об Убийце с лентой ещё не утихли. Обычные горожане хвалили полицию, а большинство полицейских, в свою очередь, старались быть вежливее с простыми людьми. Это создавало своего рода положительную динамику.

"Неважно, какими они становятся дома, по крайней мере, стоя здесь, я заряжаюсь положительной энергией", - он снова поймал себя на том, что неосознанно размышляет о том, каковы эти люди на самом деле.

Орвицка присел под зонтиком уличного кафе. Его психологическая устойчивость снова приближалась к критической отметке. Изначально его предел прочности был не слишком высок. Когда он только попал сюда, сам факт убийства человека и осознание того, что он питается людьми, чуть не довели его до полного срыва. В тот раз он выкарабкался не самостоятельно - случился бунт, и ему пришлось сражаться не на жизнь, а на смерть, так что минус на минус дал неожиданный плюс.

А сейчас? У него возникла мысль бросить своего партнёра! Это было то, что он ненавидел и презирал больше всего на свете. Неужели он сам превратился в то, что так ненавидел?

Орвицку пробила дрожь.

Подошёл официант и вежливо осведомился, не нужно ли ему чего-нибудь.

- Спасибо, чашечку кофе, пожалуйста.

Орвицка достал монету в 5 айко и протянул официанту.

Вскоре принесли дымящийся кофе. Держа чашку, Орвицка стал наблюдать за детьми. Дети из приюта были напрочь лишены детства. Только отпрыски из обеспеченных семей, по крайней мере, из среднего класса, обладали той самой искренней невинностью и беззаботностью, которая должна быть присуща детям.

Несколько матерей собрались вместе и оживлённо болтали. Их дети, вероятно, тоже были знакомы и вскоре начали играть вместе, с криками носясь друг за другом по улице. Но среди всех детей была только одна девочка, очаровательная блондинка, похожая на ангелочка. Однако мальчишки в этом возрасте ещё не интересовались противоположным полом, они даже начали демонстративно сторониться её.

Девочка была немного озадачена таким холодным приёмом, но всё равно упорно бежала за насмехавшимися над ней мальчишками, отчаянно пытаясь присоединиться к их игре. Дети

убегали всё дальше. Мальчишки носились туда-сюда, а девочка, будучи младше и физически слабее, быстро отстала. Задыхаясь, с покрасневшими от обиды глазами, она в одиночестве побрела обратно.

Орвицка удивлённо поднял бровь: "Вот негодники! Если они вырастут и вспомнят сегодняшний день, то как минимум половина из них горько пожалеет, они..."

- Отпусти ребёнка!!! - взревел Орвицка, вскакивая с места с яростью разъярённого тигра и молнией бросаясь туда, где только что стояла девочка.

Ребёнка там, разумеется, уже не было. Невдалеке быстрым шагом удалялся какой-то бездомный в непомерно широком и длинном пальто.

Семь-восемь молодых людей внезапно выскочили вперёд, с криками "Что случилось?", "Что происходит?", но на самом деле их действия были направлены на то, чтобы перекрыть Орвицке дорогу и загородить фигуру удаляющегося бездомного.

Крепкие мужчины едва успели сомкнуться в живую стену, как Орвицка всей массой врезался в них. Опытные громилы полагали, что смогут легко остановить его, как и раньше. Ведь Орвицка, хоть и был не низкого роста, не выглядел таким массивным и сильным, как другие королевские полицейские. Они были уверены, что без труда его удержат. Скрытая самодовольная ухмылка ещё не сошла с их лиц, как в следующую секунду их физиономии застыли от ужаса, а сами они, словно кегли, разлетелись в стороны.

"!!! Меня что, носорог сбил?!"

Всё произошло настолько молниеносно, что они ощутили острую боль от удара только после того, как рухнули на брусчатку.

Орвицка уже нанёс сокрушительный удар ногой по лодыжке того бездомного, но не остановился. Потому что в тот самый миг, когда образовалась живая стена, Орвицка заметил, как мимо бездомного проскользнула другая фигура - толстая, дородная женщина. Секунду назад её руки были пусты, а теперь в них появился ребёнок, туго укутанный в грязную, рваную шаль.

Когда бездомный с раздробленной лодыжкой взвыл от боли и рухнул на землю, Орвицка уже настиг женщину. Он мёртвой хваткой вцепился ей в плечо. Женщина резко обернулась и, прикрываясь ребёнком как щитом, попыталась вонзить Орвицке в живот маленький острый нож. Орвицка одним точным ударом отправил женщину в нокаут и выхватил ребёнка.

Орвицка скинул плащ. Маленькая девочка широко распахнула испуганные глаза. Ей, видимо, что-то засунули в рот, так как губы и уголки рта были жестоко разорваны. Но всё произошло так стремительно, что она, кажется, только сейчас начала осознавать случившееся и разразилась громким, отчаянным плачем.

Не только она считала, что всё произошло слишком быстро. Остальные люди на улице тоже всё ещё пребывали в полном замешательстве.

Разговаривавшие матери тоже наконец обратили внимание на происходящее. Одна из них, увидев девочку, на мгновение застыла, растерянно посмотрела по сторонам и, наконец, что-то осознав, с мертвенно-бледным лицом бросилась к Орвицке:

- Анна! Анна, моя крошка!

- Уа! Уа-у-у! - у девочки всё ещё что-то было во рту, но она отчаянно протянула ручки к женщине.

Орвицка передал ей ребёнка.

- О Боже! Анна! Только что... О Боже мой... Спасибо! Спасибо вам! - женщина, прижимая к себе ребёнка, покачнулась, но устояла на ногах. Она бессвязно, сбивчиво благодарила Орвицку.

- Не за что, - Орвицка тепло улыбнулся и начал "собирать" поверженных преступников.

Зеваки разразились аплодисментами и одобрительными возгласами.

Некоторые смелые мужчины даже подошли помочь. Один из них вдруг испуганно вскрикнул:

- Да вы ранены?!

- Просто порвал одежду, не беспокойтесь, - Орвицка коснулся живота. В прорехе виднелась гладкая, крепкая кожа.

Люди вздохнули с облегчением. Кто-то, по всей видимости, имеющий отношение к медицине, восхищённо заметил:

- Это же область селезёнки! Если бы вас ударили как следует, вы бы точно погибли! Эти мерзкие бандиты! Но свет всегда на стороне добрых людей!

"Какой ещё свет? Я ваш заклятый враг света, дитя тьмы, представитель Рода Крови! Да ещё и Наследный принц Рода Крови!"

Орвицка мысленно выкрикнул это с юношеским пафосом и легонько похлопал рыдающую мать по плечу:

- У неё что-то во рту, пожалуйста, выньте скорее.

Мать теперь могла только обнимать девочку и плакать. Девочка тоже плакала, причём так сильно, что начала икать. С зажатым ртом это было крайне опасно. Мать тут же спохватилась, поблагодарила и принялась осторожно помогать дочери избавиться от кляпа.

- Сейчас здесь некоторая суматоха, пожалуйста, будьте бдительны! - обратился Орвицка к толпе. - Следите не только за детьми, но и за своими вещами!

- ! - люди, увлечённые зрелищем, тут же инстинктивно полезли проверять свои кошельки. Кто-то действительно нащупал чужую пронырливую ручонку, забравшуюся в карман. Мужчины и женщины, пришедшие с детьми, тем более тут же стали лихорадочно искать глазами своих чад и крепко сжимать их руки.

А две грузные фигуры наконец с трудом протиснулись из толпы. Это были патрульные, дежурившие сегодня на Белой Кирпичной Авеню в районе Ракушек. И, к своему удивлению, Орвицка узнал их.

Те самые двое незадачливых патрульных, которые в прошлый раз, когда Орвицка разыскивал пропавшего разносчика молока Дэнни Белена, попытались наехать на него, но сами же были схвачены и допрошены Орвицкой с пристрастием.

Это была не первая их встреча, ведь в прошлом месяце Орвицка часто навещался сюда, присматривая за фургончиком. Однако патрульные до этого каждый раз делали вид, что не замечают его - не только Орвицку, но и огромный фургончик с едой они умудрялись полностью игнорировать.

Это был первый раз, когда их взгляды пересеклись. Орвицка подсознательно бросил взгляд на их пальцы. Те двое тут же инстинктивно прикрыли руки, но потом, видимо, сообразив, что такой жест выглядит глупо и унижительно, быстро опустили их.

Орвицка прекрасно помнил, что в тот раз спросил их, знают ли они торговцев людьми. Они назвали ему два имени: слепой Фудело и хромой Джонан. Первый похищал детей, чтобы обучить их воровскому ремеслу или заставить заниматься уличной проституцией. Второй же продавал их в различные бродячие цирки.

Он расспрашивал господина Белое Лицо и госпожу Ожог о торговцах людьми, но их познания оказались поверхностными. В конце концов, у них были совершенно разные "сферы деятельности", а торговцы людьми действовали крайне осторожно и скрытно, так что такие опустившиеся на дно маргиналы, как эти двое, просто доживающие свой век, не могли знать всех тонкостей этого грязного бизнеса.

Приходя сюда раньше с фургончиком, Орвицка отчасти преследовал цель выследить этих двух торговцев людьми.

В итоге, когда он целенаправленно искал, не нашёл ни малейшей зацепки. До сегодняшнего дня с фургончиком не случилось ни одного инцидента с пропажей детей. А сегодня он просто пришёл развеяться, и надо же было такому приключиться.

Двое патрульных молчали, так что Орвицка продолжил заниматься своими делами. У него было всего две пары наручников, которые он надел на толстую женщину и бездомного в широком пальто. Остальных головорезов, служивших им живой стеной, Орвицка связал, разорвав их же собственную одежду на полосы.

- Детектив Мондэйл... - шатен нерешительно подошёл к Орвицке. В прошлый раз им обоим крепко досталось от Орвицки, их обоих в самом прямом смысле слова напугали до мокрых штанов.

Поэтому Орвицка до сих пор не знал их имён, зато они прекрасно знали имя Орвицки.

Как только они подошли, лицо Орвицки мгновенно помрачнело:

- Слепой Фудело или хромой Джонан? Вы пришли забрать преступников или ходатайствовать за них?

- Нет, ни то, ни другое! - они изо всех сил пытались изобразить подобострастную улыбку. - Мы пришли попросить вас доставить их в участок Рыбьего Хвоста. Ведь это вы их задержали, не так ли?

- ...Хорошо. Сходите к фургончику и сообщите им о случившемся.

- Конечно! Непременно! - на этот раз улыбка на их лицах была искренней и облегчённой.

Белая Кирпичная Авеню находилась довольно близко к участку Рыбьего Хвоста. Вскоре из участка прибыла тюремная карета, конвоировал её Большой Мак. Всех преступников быстро

погрузили внутрь. Орвицка уже закончил записывать показания матери, используя бумагу и ручку, одолженные в ближайшем кафе. Он не стал настаивать на их поездке в участок, ведь мать и дочь знали о произошедшем не больше его самого.

Но Орвицка, уже было севший в другую карету, вдруг резко выскочил из неё.

Стоявший позади тюремной кареты Большой Мак испуганно подпрыгнул:

- Мондэйл?!

- Я скоро вернусь! - Орвицка махнул рукой и стрелой умчался, растворившись в толпе.

Большой Мак и его люди вернулись в участок. Через четверть часа появился и Орвицка. Он не стал брать карету, а пробрался обратно потайными переулками. Эти некогда опасные проходы для нынешнего Орвицки стали безопасными и быстрыми тропами.

Ждавшие у входа Большой Мак и тут же учуявший его появление Шультон не смогли остановить Орвицку. Он вихрем пронёсся мимо них и взбежал по лестнице наверх.

Большой Мак и Шультон недоумённо переглянулись. Шультон изобразил вежливую улыбку, а Большой Мак тут же с демонстративным отвращением отвернулся. Он смог найти общий язык со своим бывшим противником Дэйкри, но с этим подхалимом? Увольте.

- Входи, - услышав стук в дверь, Далиан машинально отозвался.

Вошёл Орвицка. Далиан отложил бумаги:

- Уже выяснили местонахождение логова торговцев людьми, наших людей отправили туда, ты...

Орвицка сел напротив Далиана. Он внимательно слушал его слова, одновременно положив на стол и немного подвинув вперёд маленькую изящную коробочку, явно предназначенную для хранения драгоценностей.

- Ты нашёл какие-то улики? - Далиан взял коробочку. Открыв её, он мгновенно застыл.

Внутри, на бархатной подушечке, лежало ожерелье. Сама цепочка была простой, из чистого золота, но главным был кулон - он выглядел как острый, хищный, длинный клык дикого зверя. Но Далиан знал - хозяином этого зуба был не зверь, а Орвицка...

Первое, что сделал Далиан, оправившись от шока, - это резко наклонился к Орвицке и попытался силой разжать ему губы.

- Мм-мф... - Орвицка, которому бесцеремонно лезли в рот, не мог внятно произнести ни слова.

- Клыки Рода Крови не регенерируют! Я имею в виду настоящие клыки! - он яростно сорвал зуб с ожерелья, - он выпал совсем недавно, возможно, ещё удастся приживить его обратно!

- Мм-мм! - Кости Рода Крови могли причинить вред им самим. Например, сейчас Далиан с силой пытался вдавить клык Орвицки обратно в его десну. Орвицке было так нестерпимо больно, что у него на глазах выступили слёзы. Он поспешно отдёргнул руку Далиана и, прикрывая рот ладонью, отскочил на безопасное расстояние.

Далиан рванулся было за ним, но с грохотом налетел на стол, о котором совершенно забыл в пылу эмоций.

<http://bllate.org/book/17916/1715851>